Отношения булавинцев с Крымским ханством и кубанскими казаками. XVII-XVIII вв.

Автор: Д. В. Сень

Сень Дмитрий Владимирович - кандидат исторических наук. Южный федеральный университет.

Восстание под предводительством К. А. Булавина получило широкое освещение в отечественной исторической науке[1]. В последние годы наметилась тенденция к уточнению и расширению отдельных трактовок[2] данного события, что обусловлено вводом в научный оборот неизвестных ранее источников, использованием учеными новых подходов. Вместе с тем, остаются и такие аспекты восстания, которые не вызвали достаточного исследования специалистами. Один из них - связь булавинцев с Крымским ханством и кубанскими казаками.

В связи с этим рассмотрим два высказывания: Н. С. Чаева - "Едва ли, однако, отмеченная политика Булавина (речь идет о его переписке с Хасаном-пашей и кубанскими казаками. - *Д. С.)* являлась самоцелью для представляемых последним слоев казачества; она... была призвана служить известным вспомогательным средством к отстаиванию Войском Донским своей "самостоятельности" от попыток Москвы более прочно освоить Дон как колонию" [3], и Е. П. Подъяпольской, которая пишет о "своего рода казачьей республике" на Кубани - как осуществленной мечте о "казацком государстве с атаманом во главе" [4]. Как видно, дальше частных рассуждений о связи между "булавинщиной" и уходом части донских казаков на Кубань в конце лета 1708 г. советские ученые не шли.

Напротив, в настоящее время наука располагает возможностью утверждать, что между актуализацией замысла об отступлении на Кубань, его реализацией И. Некрасовым и расширявшимися отношениями казачества с крымскими ханами на рубеже XVII - XVIII вв. существовала прямая причинно-следственная связь. Истоки этому факту можно найти в XVII веке [5]. Уже в 1689 - 1690 гг., как установил Б. Боук, первые группы донских казаков появляются на Кубани. Еще более активно донцы, потерпевшие поражение на Дону в результате братоубийственной войны 1680-х гг., осваивают Северо-Восточный Кавказ. Конечно, обратное возвращение на Дон не было тогда явлением исключительным, но нельзя не отметить: произошел окончательный разрыв части казаков с Доном - знаменуя те серьезные изменения, которые происходят в казачьей среде в последней четверти XVII века. Их

реакция на подавление Разинского восстания и церковный раскол, выразившаяся прежде всего в исходе на Кавказ, вызвала не количественное изменение населения в этом регионе, но качественное изменение состава региональных акторов, активизировавших деятельность против России. Недавние выходцы с Дона, кумские, например, казаки вновь актуализируют в конце 1680-х гг. тезис о готовности "не токмо не возвращаться на Дон, но, соединяясь с кабардинцами и другими народами, взять Черкасской, разорить казачьи городки по Дону лежащие и, поселясь в оных, признать над собою власть турецкого султана" [6].

Отметим, что еще С. Разин намеревался вступить в контакт с крымским ханом летом 1670 г. - "...и в Крым де от него, Стеньки, присылка, чаять, будет же" [7]. Известно также, что он же разговоры о переселении "вел в свое время... с персидским шахом и противником Москвы - украинским гетманом Дорошенко" [8]. Говоря о развитии отношений с крымскими ханами, например, со стороны

аграханских казаков, отметим, что, решив осенью 1692 г. переселиться на Кубань, они приступили к воплощению замысла только после того, как получили согласие крымского хана [9]. 18 сентября того же года к аграханским казакам из Крыма вернулись не только их посланцы, но и кубанские казаки, желавшие их проводить до Крыму [10]. Впоследствии крымский хан Девлет-Гирей II даровал казакам специальную охранную грамоту [11]. Нельзя не обратить внимания на факт быстрого налаживания контактов казаков Кубани с донским казачеством, что является свидетельством успешной адаптации донцов на землях крымского хана. Уже в октябре 1693 г. казаки двух донских городков, доносил в Москву астраханский воевода П. И. Хованский, собрались уйти на Кубань к "казакам-раскольникам, где Кубек-ага построил им городок" [12]. В 1702 г. масштабы сношений донцов с Кубанью встревожили царскую власть - на Дон отправили специальные грамоты Петра I. Оказалось, что к казакам на Кубань собирались бежать казаки Бурлацкой и Черногайской станиц [13].

Среди кубанских казаков были те, с кем в приятельских отношениях состоял и К. А. Булавин. В отписке за май 1708 г. он поименно обращается к атаману кубанских казаков - "Савелью Пафомовичю, Федору Васильевичю з Донца, Луганской станицы Мирону Никитичю, да брату ево Афонасью Зиновьевичю да Трехизбенской станицы Ивану Астафьевичю, Горбун прозвища, да Мятякинской станице Карпу Ерше Аристу..." [14]. К слову сказать, нельзя согласиться с О. Г. Усенко в трактовке им еще одного списка имен, якобы тоже знакомых Булавину [15]. При внимательном прочтении текста оказывается, что приятелем "Севастьяна Васильевича, Мартина Раздорского, Евметьевых детей, Панфиловых детей, Максима Кривого с детьми Кабылинской станицы" выступает не атаман, а Антон Ерофеев, племянник С. Пахомова. А. Ерофеев бьет челом "дядюшке" Савелию Пахомовичу, после чего обращается к "прочим своим", Антона, приятелям из этого списка [16]. В любом случае кубанские казаки обладали возможностью передачи на Дон информации о своем положении, состоянии дел в регионе; были в этом заинтересованы и донцы. Следовательно, Булавину вполне могла быть доступна информация о возможностях контактировать с крымскими ханами напрямую. План отступления на Кубань носил в его понимании характер стратегии, говоря о масштабности личности и способности к видению всей картины борьбы, включая ее перспективы в случае разгрома.

Впервые о стратегическом характере этого замысла речь зашла в ведомости, полученной князем В. В. Долгоруким 18 мая 1708 г. из Черкасска: "А буде ратные государевы полки тех ево единомышленников побьют, и у него вора с Некрасовым положено збиратца по Дону в Цымле, а собрався итить на

Кубань. И ныне вскоре на Кубань он вор с письмами посылает з Дону ис Кобылинка городка казака Антона Дорофеева да кубанского татарина" [17]. Интересная деталь - Булавин с самого начала решает отправить на Кубань племянника атамана кубанских казаков Пахомова - Антона Дорофеева (Ерофеева), стремясь достичь более доверительных отношений с кубанцами. Примечательно, что, еще не зная о поимке посланцев Булавина, канцлер Г. И. Головкин пишет Петру I о том, что приняты меры к извещению посла России в Турции, П. А. Толстого, о "воровстве" Булавина - "и ежели то у Порты отзовется, то б он то старался уничтожывать..." [18].

Почтовая связь с Кубанью волновала обе стороны. Из Азова, например, в степь были отправлены офицеры с командой из 60 человек; тревожился и Булавин, изменив состав группы, которой надлежало доставить на Кубань три письма "за войсковой печатью" (казакам-"ахриянам", ачуевскому Хасану-паше и мурзе Кубанской орды Сартлану): вместо предполагавшихся ранее лиц это должны были сделать черкасский казак Васька Шильца, два человека из верховых городков, четыре "торговых армянина" и один кубанский татарин [19]. Посланцев поймали, но на опасения кубанских казаков, что среди них есть и А. Ерофеев, Булавин объяснял: "...и мы паопасались с сим письмом ево Антона к вам послать, потому что от неправедных бывших наших старшин с кубанцы

многая ссоры и разорения" [20].

Содержание перехваченных писем настолько встревожило азовского губернатора И. А. Толстого, что он приказал отправить команду к Черкасску "для отгону воровских ево конских табунов, чтоб оному вору бежать было не на чем" [21]. Задача была выполнена при поддержке черкасских казаков во главе с В. Фроловым. Причем сведения о готовящемся отступлении Булавина на Кубань царские власти получили из нескольких источников[22], которые позволяют оценить степень готовности донцов воплотить план в жизнь. Например, очевидна решимость следовать ему казаков Рыковских станиц, готовивших лошадей и телеги еще до отправки группы с письмами от Булавина на Кубань. Еще одна деталь - уверенность Булавина в том, что адресаты ему непременно ответят; недаром он просит кубанских казаков поторопиться с ответом: "И вам бы пожаловать приехать к нам в Черкасской не помешкав с тем вместе, как посланы будут из Ачюева от Хасана паши и от Сартлана мурзы с письмами татары" [23].

Что же так встревожило власть, неготовую позволить Булавину укрыться на Кубани? Оказывается, казаки-булавинцы писали кубанцам следующее: "А есть ли царь наш не станет жаловать, как жаловал отцов наших дедов и прадедов, или станет нам на реке какое утеснения чинить, мы Войском от него отложимся и будем милости просить у вышнего творца нашего владыки, а также и у турского царя..." [24]. Кроме того, они пытались наладить связи не только с турецкими властями в Ачуеве, но и с султаном Ахмедом III. Причем приписка на имя султана, приложенная к отписке на имя кубанских казаков, по форме своей - челобитная, содержащая к тому же сведения явно провокационного характера, поскольку Петр I не собирался в то время воевать с Османской империей. Еще более опасны для российской стороны оказываются претензии Булавина на роль политика, готового изменить баланс сил в регионе: "А есть ли наш царь на нас с гневом поступит, и то будет турской царь владеть Азовом и Троицким городами. А мы ныне в Азов и в Троицкой с Руси никаких припасов не пропущаем покамест с нами азовский и троецкой воевода в согласия к нам придет" [25]. Чаев справедливо пишет об огромной важности Азова для отношений России и Турции, закрепленной Константинопольским договором 1700 г. - недаром этому городу-крепости там посвящена отдельная статья [26]. Контролировавшая положение в Приазо-

вье и запирающая выход в море, эта крепость, наряду с российской Троицкой крепостью (Троицким-на-Таганроге), превращается у Булавина "в один из объектов намечающихся у него переговоров с Турцией"[27]. Он бьет в точку - недаром тот же Таганрог турки требуют срыть по Прутскому договору 1711 г., что в итоге и было сделано. Всю глубину риторики Булавина подкрепляла серьезность его намерений взять штурмом Азов и Троицкую крепость, о чем письменно он известил И. А. Толстого отпиской от 8 июня 1708 года [28].

Выражая готовность принять подданство Османов, Булавин не мог не понимать, что подыгрывал их вековым стремлениям - "свести" казаков с "крымской" стороны Дона, а также актуализировал вопрос о возврате Азова. Вероятно, именно "кубанская переписка" подтолкнула русскую власть к изменению планов достижения договоренности с Булавиным - ведь в мае правительство было готово пойти тому на уступки [29]: 28 мая 1708 г. царским указом повелевалось "ничего не делать над казаками и их жилищами" [30], но уже 5 июня И. А. Толстой пишет Петру I о новых замыслах Булавина, прилагая оригиналы его писем на Кубань. 28 июня последовал новый указ - о походе на Черкасск и разорении казачьих городков [31]. Булавин, получив известие о выступлении Долгорукого на Дон, созвал казачий круг и заявил, "чтоб "никто проименование великого государя не воспоминал", тем более о том, "чтоб принесть... повинную" царю" [32].

Возвращаясь к анализу переписки донцов с "посредниками" - кубанскими казаками, отметим, что

Булавин как один из авторов отписок был гибок и убедителен. Это достигалось путем вставки в начале посланий сакральной формулы "Господи *Исусе* (выделено нами. - *Д. С.)* Христе, сыне Божи, помилуй нас. Аминь". Здесь имело важное значение "правильное" с точки зрения старообрядцев написание имени Бога, поскольку еще одна буква, "приложенная к имени Иисус, являет "инаго *Иисуса",* не Христа, а Антихриста" [33]. Расчетливость применения такой формы написания подчеркивается тем, что Булавин старообрядцем не был [34], между тем как значительная часть кубанских казаков как раз сохраняла "древлее благочестие" [35]. Хотя, в целом, вопрос о личном участии Булавина в выборе формы написания имени Бога остается открытым. Кроме того, неслучайно булавинцы апеллируют к "перемене веры" на Дону "старшиной и боярами" при поддержке войска Долгорукого как основанию для сопротивления последним. Примечательно, что главные репрессалии приписываются не царю, а именно войсковому старшине, что должно было по мысли булавинцев добавить оснований для легитимации последующей над "знатными" казаками расправы в Черкасске: все эти лица "стали была бороды и усы брить, также и веру християнскую переменить, и пустынников, которыя живут в пустыни ради имени господни, и хотели была христианскую веру ввесть в елинскую веру" [36]. Здесь маркируется борьба булавинцев с новообрядцами, никонианами, стремившимся привести русские обряды в соответствии с греческими - эллинскими, и вообще всеми "немцами", врагами казачества. Во второй, майской, отписке те же преступления приписываются Петру I, который "нашу веру християнскую... перевел, а у нас ныне отнимает бороды и усы, также и тайные уды у жон и детей насильно бреют"[37]. Символика первого замечания, очевидно, увязывается авторами отписки с карательной акцией, сводящей на нет образ человека, созданного "по образу и подобию Божию". Брадобритие, замечает Б. А. Успенский, "могло непосредственно связываться с еретичеством: характерно, что патриарх Филарет соборне проклинал "псовидное безобразие", против него выступали и оба патриарха петровского времени - Иоаким и Адриан, причем последний прямо грозил брадобрийцам церковным отлучением" [38]. Во втором случае речь идет о символическом характере расправы, применяемой царскими вой-

ками по отношению к членам семей донских казаков, а именно - насильственном удалении, скорее всего, половых органов [39]. Данный вид физического насилия можно расценивать как обозначение расправы над жизненной силой донского казачества, а само оскопление - как семиотическое указание на неминуемую смерть донского казачества в результате прекращения воспроизводства. В обоих случаях можно говорить о творении "карателями" актов символического антиповедения, исключительно характерного для ритуала наказания - "поскольку наказания были направлены на публичное осмеяние (бесчестье) и в конечном счете на принудительное или разоблачительное приобщение к "кромешному" перевернутому миру" [40]. Например, в XVII в. бритыми (с безволосыми "лицами") на иконах, либо храмовых росписях в России изображали бесов и чертей [41].

Интересен в отписке призыв булавинцев "стоять нам... за предания 7-ми вселенских собор, как они святыя над 7-ми вселенских соборех утвердили веру християнскую и во атеческих книгах положили" [42]. Вопрос о роли религии в жизни донского казачества как маркере и основании их идентичности остается изученным недостаточно. Ученые обращают внимание, что казачья религиозность не шла в целом дальше "внешнего" понимания религии, выливаясь в форму "обрядоверия", когда казаки подходили к религиозному культу с позиций утилитарного, практического подхода [43]. Вместе с тем, трудно отрицать роль религиозного фактора в событиях, приведших к первой в истории Дона братоубийственной войне 1686 - 1688 гг., "когда дело доходило до поголовного истребления казачьих поселений сами же казаками" [44]. Обострение религиозного чувства под воздействием проповедей старообрядческих священников достигало такого масштаба, что "многие казаки умирали, не принимая покаяния от других попов" [45]. Конечно, было бы упрощением связывать мотивацию действий участников Булавинского восстания с определяющим влиянием старообрядческой эсхатологии, но нельзя не отметить, что Булавин старается в отписках

разговаривать с кубанскими казаками на понятном им языке символов и образов, апеллируя к святоотеческой литературе и решениям вселенских соборов.

Еще одна отписка за май 1708 г. адресована владетелю Кубанской орды (ногайцы) - Сартлану-мурзе и "всем кубанским мурзам". На этот раз, объясняя причины казни повстанцами атамана Л. Максимова и старшин, Булавин вновь прибегает к риторической уловке: "...потому что они... нам и вам многое разорения и неправды чинили, и за мирным состоянием юртовых калмык и Козаков без ведома нашего войскового под ваши жилища посылали, и ясырь у вас, также и конныя табуны к себе брали" [46]. Возможно, здесь идет речь об отголосках прикочевки на Дон в 1690-е гг. калмыцких тайшей Мункотемира и Боки, когда хан Аюка продолжал терять улусное население. Таким образом, и здесь дипломатическое мастерство Булавина бьет в точку - "нерв" почти всегда напряженных ногайско-калмыцких отношений. Недаром, предлагая развитие торговых и политических отношений, донцы делают ногайцам лестное предложение: "А есть ли вы похотитя за многая... от колмык абиды и многое разорения на них итить войною, и вы с нами Войском согласясь заедино в поход за Волгу пойдем" [47].

Что касается последнего документа - адресованного ачуевскому Хасану-паше, то его судьба представляется неясной. С одной стороны, документ в числе прочих был отправлен И. А. Толстым царю [48]; с другой - его нет в сборнике "Булавинское восстание". При этом непонятно, почему Булавин обращается к хозяину ачуевского санджака - далеко не главного и не самого богатого среди османских владений на Северо-Западном Кавказе. Конечно, Ачуев был несколько ближе к Дону, нежели Темрюк и Тамань, но трудно

даже предположить, что Булавин намеревался укрыться за стенами именно этой крепости. Скорее, его связывали с турецкой администрацией Ачуева нити других интересов; причем дело даже не в том, что одним из посланцев на Кубань оказывается "турченин, житель города Ачуева" [49]. Речь идет о малоизвестном специалистам факте прибытия на Дон от Хасана-паши (и от кубанских мурз) двух ногайцев с письмами для Булавина[50]. Случилось это до 8 июня 1708 г., то есть прибытие посланцев с Кубани нельзя считать реакцией на письма Булавина за конец мая 1708 г., тем более что до адресатов они не дошли. Следовательно, можно полагать, что турки и татары не менее казаков были заинтересованы в налаживании контактов с "новой" властью на Дону. Булавин же желал видеть реализацию переговоров всех трех сторон - турок, ногайцев и "старых" кубанских казаков именно в Ачуеве, рекомендуя казакам переправить в Стамбул адресованную им отписку, но вместе с припиской из Войска на имя Ахмеда III[51].

В целом анализ отписок, направленных на Кубань, свидетельствует о стремлении Булавина вернуться к практикам войсковых атаманов самостоятельно определять уровень и содержание отношений с соседями. Обретение этой сакральной во многом власти влияло и на психологию его поведения, повлекшего за собой принятие решений, в которых трудно искать рационалистическую основу. Например, роспуск большей части повстанческого войска после захвата Черкасска в мае 1708 г., а также излишне высокая степень доверия, которую он оказывал представителям "домовитого" казачества.

Переписка, развернувшаяся между Кубанью и Доном, привела к тому, что стороны наладили регулярное сообщение, а ногайцы оказали весомую помощь повстанцам. Отвечая на послания ногайцев и турок, Булавин 8 июня 1708 г. отправляет на Кубань новое письмо, в котором "написано, чтоб кубанская орда собрався пришли к нему в Черкасской, и чтоб с ним заодно итить к Азову" [52]. Более того, он выражает готовность получить от ногайцев так нужных ему лошадей (в количестве 2 тыс. голов) - "и кубанцы к нему вору лошадей с 500 пригнали для продажи". В середине июня

бригадир Ф. В. Шидловский получил от донских казаков сведения о приходе к Булавину "кубанской орды 2000 человек, да их донских расколыщиков с Кубану и с Орокани 1100 человек" [53], готовившихся к штурму Азова. Приход этих сил подтверждает заинтересованность ногайцев и казаков Кубани в стремлении Булавина налаживания связей со всеми антироссийскими силами в регионе.

Подтверждения этой точки зрения находим и в известии турецкого Анонима начала XVIII в.[54] и среди документов сборника "Булавинское восстание". Дискуссионность вопроса участия объединенной кубанско-ногайской группировки в штурме Азова повстанцами перемежается напрямую с возможностью их участия и в штурме Черкасска. Например, казак-запорожец Т. И. Верховир, как очевидец событий, показал в канцелярии В. В. Долгорукого, что перед штурмом крепости "из Озова были в Черкаском переметчиков человек з 20 тумов ("тума" - "полукровка". - *Д. С.)* и говорили, чтоб они пришли к Озову и они де Озов здадут. И как де оне пришли к Озову, и те переметчики пошли с ним и стояли под Озовом сутки. И из Озова де выходили к ним озовские жители и з донскими казаками меж себя говорили, а что говорили, того де он не знает, стоя долече" [55]. А вот как этот же эпизод представлен в трактовке Анонима: "Казаки, находившиеся в крепости Азак, вступили на путь хитрости и, послав человека, сообщили тем (булавинцам. - *Д. С.):* "Если вы захотите, мы покоримся вам, откроем ворота и передадим вам крепость". Пулавина (Булавин. - *Д. С.),* приняв за истину все их ответы, сам остался в Черкес-кермане, а во главе казацких войск был поставлен ка-

зак по имени Инад... и направлен к Азаку. ...Хитрое намерение казаков, которые сидели в Азаке, состояло в том, чтобы сломить [нападавших] своим обычным маневром" [56]. Однако О. Г. Усенко считает, что никто из очевидцев не видел в числе осаждавших Черкесск представителей Кубани ".

Обобщая результаты анализа сюжета с участием казаков Кубани и ногайцев в событиях на Дону (зоне Булавинского восстания) весной-летом 1708 г., резюмируем, что такой факт имел место, поскольку его природа определялась логикой восстания, всей совокупностью связей Булавина, выражавшего интересы крупной части донского казачества с активными региональными акторами - ногайцами и кубанскими казаками. Не могли не учитывать данного обстоятельства и булавинцы, готовившие план отступления на Кубань. Ничего не изменила и гибель Булавина - часть донского казачества оставила Дон. Дальнейшая дискуссия, как представляется, может уже лежать не в поле характера ухода казаков на Кубань и их готовности принять новое подданство, а в сфере уточнения отдельных сюжетов этого масштабного события в истории донского казачества.

Примечания

1. См., например: ЛЕБЕДЕВ В. И. Булавинское восстание (1707 - 1708). М. 1967; СМИРНОВ И. И., МАНЬКОВ А. Г., ПОДЪЯПОЛЬСКАЯ Е. П., МАВРОДИН В. В. Крестьянские войны в России XVII - XVIII вв. М. 1966; ПРОНШТЕЙН А. П., МИНИНКОВ Н. А. Крестьянские войны в России XVII - XVIII вв. и донское казачество. Ростов-на-Дону. 1983.

2. УСЕНКО О. Г. Начальная история кубанского казачества (1692 - 1708 гг.). - Из архива тверских историков. Сб. науч. ст. Тверь. 2000; ЕГО ЖЕ. К уточнению биографии К. А. Булавина. - Россия в XVIII столетии. М. 2002; БОУК Б. М. К истории первого Кубанского казачьего войска: поиски убежища на Северном Кавказе. - Восток, 2001, N 4.

3. ЧАЕВ Н. С. Булавинское восстание (1707 - 1708). В кн.: Труды историко-археографического

института Академии наук СССР. М. 1935. Т. XII, Булавинское восстание (1707 - 1708 гг.) (Далее - Булавинское восстание), с. 52.

4. СМИРНОВ И. И., МАНЬКОВ А. Г, ПОДЪЯПОЛЬСКАЯ Е. П., МАВРОДИН В. В. Ук. соч., с. 202.

5. Российский государственный архив древних актов (РГАДА), ф. 127, оп. 1, 1626 г., д. 1, л. 336 - 337; ДРУЖИНИН В. Г. Раскол на Дону в конце XVII столетия. СПб. 1889, с. 180, 182.

6. СУХОРУКОВ В. Историческое описание Земли Войска Донского. Ростов-на-Дону. 2001, с. 353.

7. Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Сб. док. М. 1957, т. 2, ч. 1, с. 552.

8. ЛЕБЕДЕВ В. И. Ук. соч., с. 73.

9. Архив Санкт-Петербургского Института истории РАН (Архив СПбИИ РАН), ф. 178, оп. 1, д. 12348, л. 1.

10. Русско-чеченские отношения. Вторая половина XVI - XVII в. Сб. док. М. 1997, с. 256.

11. РГАДА, ф. 111, оп. 1, д. 11, л. 2об. -3.

12. Архив СПбИИ РАН, ф. 178, оп. 1, д. 12449, 12450.

13. Акты, относящиеся к истории Войска Донского, собранные генерал-майором А. А. Лишиным. Новочеркасск. 1891, т. 1, с. 204.

14. Булавинское восстание, с. 463.

15. УСЕНКО О. Г. Начальная история кубанского казачества, с. 67.

16. Булавинское восстание, с. 63, 72 - 77.

17. Там же, с. 244.

18. Там же, с. 256.

19. Новое о восстании Булавина. Публ. Е. П. ПОДЪЯПОЛЬСКОЙ. - Исторический архив, 1960, N 6, с. 127.

20. Булавинское восстание, с. 463.

21. Там же, с. 258.

22. Там же, с. 258, 261; Новое о восстании Булавина, с. 127.

23. Булавинское восстание, с. 464.

24. Там же, с. 244.

25. Там же, с. 464.

26. См.: ЮЗЕФОВИЧ Т. Договоры России с Востоком. Политические и торговые. М. 2005, с. 28.

27. ЧАЕВ Н. С. Ук. соч., с. 51.

28. Булавинское восстание, с. 264.

29. ЧАЕВ Н. С. Ук. соч., с. 52.

30. Сборник Русского исторического общества. 1873, т. 2, с. 32.

31. Булавинское восстание, с. 281 - 282.

32. ЛЕБЕДЕВ В. И. Ук. соч., с. 74.

33. УСПЕНСКИЙ Б. А. Раскол и культурный конфликт XVII века. В кн.: Успенский Б. А. Избр. труды. М. 1996, т. 1, с. 490.

34. УСЕНКО О. Г. К уточнению биографии К. А. Булавина, с. 104 - 105.

35. ЕГО ЖЕ. Начальная история кубанского казачества, с. 68.

36. Булавинское восстание, с. 461.

37. Там же, с. 464.

38. УСПЕНСКИЙ Б. А. Historia sub specie semioticae. В кн.: УСПЕНСКИЙ Б. А. Избр. труды, с. 78.

39. Толковый словарь живого великорусскаго языка Владимира Даля. СПб. М. 1909, т. 4, стб. 962; СРЕЗНЕВСКИЙ И. И. Словарь древнерусского языка. М. 1989, стб. 1155 - 1156. См. также описание мучений Епифания Соловецкого, "когда однажды в его хижину вторглись полчища муравьев и стали кусать его детородные органы ("И начаша у мене те черьви-мураши тайныя уды ясти")" (ЗАРЕЦКИЙ Ю. П. Тело и его казни. В кн.: Казус. Индивидуальное и уникальное в истории. М. 2000, с. 332 и далее).

40. УСПЕНСКИЙ Б. А. Антиповедение в культуре Древней Руси. В кн.: УСПЕНСКИЙ Б. А. Избр. труды, с. 466.

41. БРЮСОВА В. Г. Русская живопись XVII века. М. 1984, с. 74 и др., цв. вклейки N 11, 96, 181 и др.

42. Булавинское восстание, с. 463.

43. УСЕНКО О. Г. Некоторые черты массового сознания донского казачества в XVII - начале XVIII вв. - Казачество России: прошлое и настоящее. Сб. ст. Ростов-на-Дону. 2006, с. 101 и др.

44. МИН ИНКОВ Н. А. Основы взаимоотношений Русского государства и донского казачества в XVI - начале XVIII вв. - Казачество России.., с. 34.

45. ДРУЖИНИН В. Г. Ук. соч., с. 142.

46. Булавинское восстание, с. 460.

47. Там же, с. 461.

48. Там же, с. 458.

49. Новое о восстании Булавина, с. 127.

50. Булавинское восстание, с. 269.

51. Там же, с. 465.

52. Там же, с. 269.

53. Там же, с. 275.

54. ВЕСЕЛА З. Турецкий трактат об османских крепостях Северного Причерноморья в начале XVIII века. Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. М. 1969, ч. 2, с. 128 - 129 и др.

55. Булавинское восстание, с. 297.

56. ВЕСЕЛА З. Ук. соч., с. 129.

57. УСЕНКО О. Г. Рецензия на монографию Сеня Д. В. Войско Кубанское Игнатове Кавказское: исторические пути казаков-некрасовцев (1708 г. - конец 1920-х гг.). Краснодар. 2002. - Клио. Журнал для ученых. СПб. 2003, с. 241.